

ДЖОН ФОРД

Суд над леди

[149]

ИЛ 10/2022

Пьеса

Перевод с английского АНДРЕЯ КОРЧЕВСКОГО

Вступление ЛИЗЫ ХОПКИНС

Перевод вступления с английского КСЕНИИ ЖОЛУДЕВОЙ

Первый русский перевод пьесы Джона Форда (1586—1639) “Суд над леди” выходит через семь лет после премьеры спектакля, сыгранного театральной компанией “Edward’s Boys”¹. В этой интеллектуальной, прочувствованной постановке 2015 года есть значимая сцена, когда главная героиня Спинелла стоит на возвышении, окруженная четырьмя актерами с пустыми картинными рамами в руках². Ясный намек на сложное положение Спинеллы — в обоих смыслах глагола “to frame” (“обрамить”), который в британском английском означает в том числе и “обвинить в преступлении на основании лжесвидетельства”, и “представить человека или ситуацию в неприглядном свете”. Спинелла несправедливо обвинена в супружеской измене, но в более широком смысле она (и, следовательно, все женщины в то время) — личность, которая воспринимается обществом исключительно через призму ограниченных, предвзятых суждений о ее характере, мотивах и намерениях. Слово “леди” в названии “The Ladies Trial!”

© АНДРЕЙ КОРЧЕВСКИЙ. Перевод, 2022

© LISA HOPKINS. Вступление, 2022

© КСЕНИЯ ЖОЛУДЕВА. Перевод вступления, 2022

1. Труппа состоит из учащихся школы короля Эдуарда VI в Стратфорде-на-Эйвоне. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

2. На фото сцена из спектакля театральной компании “Edward’s Boys” (2015).

на титульном листе издания 1639 года (в формате ин-кварто) может быть прочитано как в единственном — Lady's, так и во множественном числе — Ladies', возможно, тем самым указывая не только на Спинеллу, но и на многих женщин, представших перед общественным судом и заведомо виновных, пока не доказано обратное. А невинность доказать, конечно же, очень сложно, что хорошо понимал Джон Форд, некогда студент-правовед Миддл-Темпла¹ и внучатый племянник одного из самых значительных юристов своего времени Джона Пофэма, лорда — главного судьи Англии, который председательствовал на судебных процессах над Гаем Фоксом и сэром Уолтером Рэли и был заключен в тюрьму неудачливым бунтовщиком графом Эссексом. Доказать, что кто-то что-нибудь сделал, — сравнительно легко, но как убедить в том, что обвиняемый *не* совершал проступка?

Зритель понимает, что Спинелла не поступала предосудительно, однако ее супруг граф Ориа (чей образ списан, вероятно, с выдающегося генуэзского адмирала Андреа Дориа) должен не только решить, верить ли жене, но и суметь убедить общество в ее непогрешимости. История любви Спинеллы и Ориа, красивой молодой женщины и воина-героя в летах, напоминает взаимоотношения Отелло и Дездемоны — что неудивительно: многие пьесы Форда отсылают к "Отелло". Впрочем, Форд всегда поворачивает знакомый сюжет неожиданным образом: в "Жертве любви" героиня действительно увлечена не мужем, а кем-то другим, хотя до измены дело не доходит; в "Королеве" персонаж, соответствующий Яго, — весьма доброжелательная фигура, способствующая примирению ревнивого мужа и ошибочно подозреваемой в неверности жены. "Суд над леди" позволяет легко провести аналогии между Отелло и Ориа, Дездемоной и Спинеллой, Яго и Аврелио, однако мотив последнего неясен: в самом ли деле он подозревает Спинеллу или просто ревнует к ней друга Ориа, чье сильное чувство к жене подспудно угрожает их дружбе? Именно из этих точно подмеченных эмоциональных нюансов и создается живая основа пьесы, и самые интересные ее герои весьма неоднозначны: Спинелла, азартная и экстравагантная, но тем не менее преданная; Мальфато, терзаемый страхом от кровосмесительной любви к кузине; Ориа, который одним глазом стережет личное счастье, а другим — репутацию; Адорни, знатный повеса, который, как станет известно под занавес, не прочь остепениться в браке с добропорядочной женщиной; Левидольче, которая когда-то по легкомыслию развелась с мужем, а теперь радуется возможности снова связать с ним жизнь. Если бы мы подвергли этих персонажей суду, было бы нелегко вынести приговор. Тонкости, перипетии их отношений создают волнующее, побуждающее к размышлениям действо. Русская литература славится тщательной прорисовкой человеческих чувств и мотивов поступков, поэтому надеюсь, "Суд над леди" понравится российскому читателю.

Как представлялась “Слугами их величеств”¹
в частном доме на Друри-Лейн

Посвящение

[151]

ил 10/2022

Искренне почитаемому Джону Вайрли, эсквайру, а также добродетельной и достойнейшей леди, миссис Мэри Вайрли, его супруге, нижеследующее.

Неравенство в воздаянии влечет за собой сожаления, когда у благодарящего нет возможностей, существенных, чтобы выразить признательность. Хотя в качестве ответной любезности вы могли бы оценить предпринимаемую попытку, но даже само тщание выдает мою слабость. Я имел удовольствие убедиться в вашем добром отношении ко мне; и благородство одного выступает для меня свидетельством различия между дружбой и друзьями. Друзей (как это следует из всеобщей практики взаимных комплиментов) мы часто приобретаем на жизненном пути, и подчас это не требует особенных усилий. Но дружба есть то, чего многие ищут, а я нашел, являясь счастливым обладателем сокровища, честь обретения коего принадлежит — каждому поровну — вам двоим. Представляя на ваш суд плод моих не слишком серьезных стараний, я обращаюсь к строгости вашего суда, как и к милости вашего суждения; и буду любить мое дитя сильнее, если вы согласитесь на усыновление, чем если бы оно осталось моим и только. Поскольку же ваше счастье в процветании взаимной любви будет всегда неизменным, то я, не имея уверенности в устойчивости собственного, рассчитываю на неколебимую поддержку вашего доброго мнения.

Джон Форд

Пролог

Стих, мысль и музыка пусть к нам опять,
Небесным повивальщицам под стать,
Сойдут, чтоб в родах пьесу воспринять.

1. “Слуги их величеств” (“Beeston’s Boys”) — театральная компания, выступавшая в театре “Феникс” на Друри-Лейн в Лондоне. Участниками труппы были как подростки, так и молодые люди приблизительно двадцатилетнего возраста. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Но где же авторы, что наравне
Чтут эту троицу? Сдается мне,
Их опусы сегодня не в цене.

Остроты! Вот чем славится поэт
Теперь у толп, кривящихся вослед,
Роди он хоть бессмертный перл на свет.

А кто чеканит шутки, кто порой
Чужие топчет судьбы, кто игрой
С властями занят — тот теперь герой.

С таким уловом просто преуспеть,
Но вниз тщета, как тина, тянет сеть —
Грех Музам сеять сплетни, а не петь.

Что ж автор наш? Он публике сейчас
Честь должную окажет: без прикрас
Он не сатиру — драму сплел для вас.

А коль несовершенно в ней сошлись
Стихи, остроты, музыка и мысль —
Взлетев иль нет, он все ж стремился ввысь.

Мистер Бёрд¹

Действующие лица

Ориа — знатный генуэзец
Адорни — молодой герцог
Аврелио — друг Ориа
Мальфато — несчастный влюбленный, кузен Спинеллы и
Кастанны
Трелкатио — гражданин Генуи и дядя Ориа
Мартино — гражданин Генуи и двоюродный дед
Левидольче
Пиеро — приживал Адорни
Футелли — приживал Адорни

1. Мистер Бёрд — актер Теофилус Бёрд, который, по всей видимости, выступал в пьесе в роли Пролога. Комментаторы обычно относят данный пролог к авторству Форда; однако и сам Теофилус Бёрд написал несколько текстов-вступлений к пьесам Форда, Деккера и др.

ГУЗМАН — хвастливый испанец
ФУЛЬГОСО — придворный выскочка
БЕНАЦЦИ — муж Левидольче
СПИНЕЛЛА — жена Ориа
КАСТАННА — ее сестра
АМОРЕТТА — мечтательная девица
ЛЕВИДОЛЬЧЕ — развратница

Место действия: Генуя.

Акт первый

Сцена 1

ПИЕРО. Ба, наш первейший модник!
ФУТЕЛЛИ. Ба, наш гений
Пижонства, генуэзский бог Пиеро!
ПИЕРО. Любимец Рима, перл Европы, друг мой!
А ну — свежайших новостей.
ФУТЕЛЛИ. Не столб я
С афишами, не площадной глашатай,
Не сборщик слухов, не делец газетный.
ПИЕРО. Нет, ты Футелли — скупщик куртизанок,
Что ценности приобретает с целью
Употребить и сбыть, — чуть взял товар,
Так с рук долой, и ну искать себе
Чего получше; но вернемся к слухам:
Что слышно?
ФУТЕЛЛИ. Ориа, сумевший в жены
Взять и познать прекрасную Спинеллу,
Устав от удовольствий, подрядился
Турецких флибустьеров бить, на службе
У герцога Флоренции.
ПИЕРО. Игрушку
С собою не берет?
ФУТЕЛЛИ. Нет, оставляет
Пиратам сухопутным.
ПИЕРО. Значит, нам:
Приз для Футелли и Пиеро. Бог мой!
Покинуть этот кладезь наслаждений,
Чтоб, кровь из носу, в битвах нос расквасить!
Как это грубо, как ужасно.
ФУТЕЛЛИ. Дико,
Позорно, малодушно — разве нет?

ПИЕРО. Щедротам господина моего —
 Банкетам, пляскам, пестрому убранству —
 Он предпочел каюту, где на ужин —
 Вода и хлеб!

ФУТЕЛЛИ. Ну, не горюй же так.
 Будь тверд. А, вот и он. Держись серьезней.

Отходят в сторону.
 Входят Адорни и Ориа.

АДОРНИ. Я вам желаю, Ориа, здоровья.
 Пусть вас победа наградит венком,
 Который сможет родину прославить,
 Ваш род и ваших предков.

ОРИА. О синьор,
 Пускай я ни с одним не слажу делом,
 Достойным уст людских, коль позабуду
 Любовь и милости Адорни.

Пиеро и Футелли выходят вперед.

ПИЕРО. Сударь,
 Поклон вам на прощанье, а слова
 Прибережем для встречи.

ФУТЕЛЛИ. Если ж вы
 Не возвратитесь — послужить готов
 Пажом при вашей тени.

ОРИА. Господа,
 Увы, дела преследуют меня,
 И не до разговоров.

АДОРНИ. Не удержишь
 Решимости, упрямством окрыленной.
 Так в добрый путь!

ПИЕРО И ФУТЕЛЛИ. Виват!

Адорни, Пиеро и Футелли уходят.

ОРИА. Как провожает северный народ
 Мгновенья лета, прежде чем во льдах
 С уходом солнца вновь застынет мир, —
 Так я прощаюсь с Генуей...

Входят Трелкатио, Спинелла и Кастанна.

Ах, вот он,
 Свет солнечный! Спинелла! В миг печали

Чья ты жена, и что в прощальный миг
Муж запечатал на губах твоих.

Целуются.

Прощай.

СПИНЕЛЛА. Мой Бог! Идем, сестра.

СПИНЕЛЛА и КАСТАННА уходят.

ОРИА. Венок

Она уже снискала — мне же свой
В разлуке обрести придется.

Входит Аврелио.

Друг мой,

Носящий дружбы истинной венец,
Мой первый друг, Аврелио!

АВРЕЛИО. Ужель

Тебе я стал чужим, раз ты теперь
Меня задумал вычесть из числа
Соратников своей фортуны?

ОРИА. Вред,

Что мог я нанести твоей судьбе,
Мне совесть запятнал бы. Не вводя
Нас в обсуждение, почему и как
До этого мгновенья я тайл
Свой план от дружеских очей, поверь:
Меня вела нужда.

АВРЕЛИО. Нужда? О нет!

В чем ты нуждался, как не в дружбе?

ОРИА. В дружбе?

АВРЕЛИО. Ах, Ориа, не попади в ловушку
Воображения; монетой лжи
Платить за искреннюю дружбу грех.
Нет, придержи язык. Но твой корабль
Не потому ли тонет, что покинул
Святую пристань дружбы ты, отвергнув
Чистосердечье друга. Жаль!

ОРИА. Клянусь:

Храм сердца не покинет до конца
Святыня дружбы; но наперсник твой
Так обнищал, что в Генуе останься
Хоть на полгода он — и грош последний

Его оставит.

Аврелио. Как?

Ориа. В стране, мой друг,
Где с высшими я мог на равных быть,
Врагам на зависть, сделаться теперь
Презренья иль сочувствия предметом —
О, как такое вытерпит душа,
Не вскормленная в рабстве?

Аврелио. Я пока
Ни начисто не слышал, ни вчерне,
Как ты исправишь положение, став
Морским воякой?

Ориа. Тот, кто не оценит
Заслуги воина, пусть глотку рвет,
Клеймя жестокость турков, иль рабом
Живет, умрет ли — все без искупленья.

Аврелио. Пусть; ну а что же с молодой женой,
С красавицей женой? Она не то чтоб
Купалась в роскоши, но и не знала
Тех крайностей, когда красу и юность
Соблазн спешит в бесчестие совлечь.

Ориа. Кто из живых посмел бы мне в лицо
Сказать — иль хоть помыслить эту ложь,
Что очернит Спинеллу? Лишь Аврелио,
А он мой друг.

Аврелио. Кто из друзей тебя
Любил бы, как Аврелио, тот самый,
Тебе твердивший с самого начала,
Что, со Спинеллой сочетавшись, ты
Расстанешься с душевным равновесьем,
Как и с богатством; видно, был он прав?

Ориа. Похоже, так.

Аврелио. А кто не учредит
Себе ни рамок, ни законов, чтобы
Предмет для страсти выбрать, но возьмет
Ту, чье лицо круглей, иль взор нежнее,
Иль кожа побелее — даже пусть
Невеста обладает полным кладом
Достоинств — мастерица говорить,
Положим, иль умелица молчать, —
И если в том и состоит ее
Приданое, — тогда, надеюсь, муж
Достаточно богат, чтоб в очаге
Любви огонь не гас... Но хватит слов,
К чему слова?

Ориа. Она супруга мне.
 Аврелио. И потому совсем не по-мужски
 Подвергнуть испытаньям ум ее,
 Невинность, скромность, клятвы, наконец.
 Ты этим можешь указать ей путь
 К разврату.

Ориа. Замолчи!

Аврелио. Эй, назови-ка
 Всего один резон, чтоб ты считал
 Себя от бури спасшимся, коль честь
 Жены отдашь на волю волн. Но все
 Мои слова — простое подозренье,
 Что ты, надеюсь, развенчать способен.

Ориа. Ах, поневоле я в решеньях тверд;
 Но если суждено мне преуспеть
 И обрести богатство — пусть же будет
 Аврелио наследником моим;
 Достойное вдове обеспеченье
 Назначишь, коль окажется достойной.

Аврелио. Наследник? Я? Притом, как молода
 Твоя жена, чтоб сделать непременно
 Тебя отцом? Забудь!

Ориа. Поверь уж мне
 Без лишних слов, Аврелио. Вот вексель
 Тебе на получение от Мартино
 Двухсот дукатов; чуть предстанет случай,
 Ты эти деньги передашь Спинелле.
 Не доверяю дяде: наш добряк
 Сам на отливе. Я другую сотню
 Оставил ей и сотню взял с собой.
 Ты видишь, как я беден? Но прости,
 Дебаты наши могут подорвать
 Мою решимость. Проводи меня;
 Обнимемся покрепче, а затем
 Молчок.

Аврелио. Тебе я стремя поддержку.

Уходят.

Сцена 2

Входят Адорни и Футелли. Адорни держит письмо.

Адорни. Своей рукой?

Футелли. Да, собственной, синьор,

И набело. Поцеловав листок,
 Перечитала адрес; уронив
 Слезу, письмо поцеловала вновь,
 Шепнула двадцать слов, опять к губам
 Прижала, отдала мне, отняла,
 Вскричала: “О душа моя!” — и сразу:
 “Неси же истину и тайну!”. Смены
 Страстей столь быстрой не встречал я в женах.

Адорни. Ты не встречал? Да ну; ведь мать была
 У каждого, и, значит, знают все:
 Лишь перемены постоянны в них,
 И от плохого к худшему, увы.
 Она была щедра?

Футелли. Вручила двадцать
 Дукатов мне, бесценною клянясь
 Любовью к “лучшему из всех” (синьор,
 Дословно речь ее), “к живому чуду,
 Мальфато” (тут она вздохнула), мол,
 Вот лепта вдовья, что сулит щедроты.
 Я в рекрутах у ней теперь.

Адорни. О дьявол!
 Тебя перекупить решила, зная
 Твою любовь ко мне?

Футелли. Хитра красотка,
 Но не умна. Сначала сожалела,
 Что личным состояньем род людской
 Разнится слишком — кто богат сверх мер,
 Кто беден, будто мышь. “Однако же, —
 Она сказала, — коли быть нельзя
 Всем равными, признайте, если так,
 Что самым складным из мужчин под стать
 Быть всех богаче — с тем, чтоб дар небес
 К земным дарам прибавить; жаль, у нас
 Подобных в Генуе и нет почти,
 Не больше двух”.

Адорни. Жар, вижу, разожжен!
 Футелли. “Тогда синьор Адорни, — я вскричал, —
 Не зря был вами избран!”

Адорни. Сильный ход!

Футелли. Она сказала, улыбнувшись: “Да,
 Хотя...” И смолкла. Я же вставил сразу,
 Что верно, высший титул не всегда
 О совершенстве говорит; что я
 Видал персон пониже рангом, но
 Лицом и станом лучше. Ваша милость

Меня простит, надеюсь.

Адорни.

Будь уверен.

Футелли. “Фью, — свистнула она, — уж если мы
Красавцев обсуждаем, я считаю
Мальфато попросту неотразимым,
Ну разве нет?” Тут я и подступил,
К чему хотел, и с жаром в тот же миг
Ее суждение одобрил, столь
Ей угодив, любезный мой синьор,
Что все сошлось у нас: и человек,
И цель, и средство.

Адорни.

Так доставить ты

Письмо к Мальфато взялся?

Футелли.

Скажем, я

Не сразу согласился; нет, синьор,
Я выразил протест — а вдруг секрет
Раскроется? — но награжден в залог
Был поцелуем: вы уж, ваша милость,
Не обессудьте! Рвите же печать!
Там, видно, вдоволь сладких слов, синьор!

Адорни (*читает*). “Для самого совершенного из мужчин,

Мальфато, с присовокуплением любви”.

Неплохо для начала! Разыщи

Его и передай. И проследи,

С каким он видом это все воспримет.

Футелли. Вам не угодно до конца прочесть?

Адорни. Нет, всё. Хватает. Будь хитер и ловок.

Изменница — что сточная канава;

Прожекты поновей меня влекут.

Входит Пиеро.

Твой друг! Два остроумца-близнеца,

Созвездье в сборе; ну, так в чем сюжет?

Какая новая забава?

Пиеро.

Есть,

Синьор, одна задумка....

Футелли.

Мы ваш слух

Берем в союзники.

Адорни.

Итак?

Пиеро.

Назвать

Могу я Аморетту, дочь Трелкатио.

Он честный человек, но беден.

Футелли.

Да,

Кто честен, должен бедным быть, синьор,

Такое правило.
 Адорни. Что ж, Аморетта.
 Прошу по одному; каков расклад?
 Что с ней не так?
 Пиеро. Футелли, вы!
 Футелли. Избавьте,
 У вас язык попрытче.
 Пиеро. Нет, мой друг,
 Потренируйте свой.
 Футелли. Ваш выход!
 Пиеро. Ваш!
 Адорни. Эй, пчелки, мед прокиснет! Спорить вы
 Два дня подряд готовы!
 Пиеро. Я начну:
 Девушка эта хороша собой...
 Футелли. ...Лицо, глаза, манеры — все при ней...
 Пиеро. ...но сбрендил, увы...
 Футелли. ...вообразивши,
 Что пара для нее...
 Пиеро. ...лишь герцог, граф,
 Виконт, на крайний случай — и теперь...
 Футелли. ...ей отвратительна и мысль сама
 О женихе попроще, чей возок
 Не запряжен восьмеркой...
 Пиеро. ...шесть коняг...
 Куда ни шло, четыре...
 Футелли. ...о, почти
 Для нищих; ну а два...
 Пиеро. ...по ней, они
 Не для творений божьих, ну, быть может...
 Футелли. ...быть может, чтоб собак возили в них,
 Не христиан, хоть у самой...
 Пиеро. ...вообще
 Нет экипажа, и она не знает,
 Где у кареты вход...
 Футелли. ...как не по слухам!
 Адорни. Стоп, господа, вот это был галоп,
 У вас одышка. Вряд ли комплимент
 Эпохе это, только в наши дни
 Вы — казначеи розыгрышей. Ну,
 Получше объясните план.
 Пиеро. Начнем
 С того, что эта дева такова,
 Как сказано, и что она живет
 Здесь, в Генуе, хоть верится с трудом.

Адорни. Дочь старика Трелкатио?

Футелли. Девица

Всех ухажеров гонит потому,
Что женихи — не графы, не князья;
Хотя сама и с барахлом отца
Едва ль четыреста дукатов стоит.

Адорни. И что же вы затеяли?

Пиеро. Расскажем.

Испанец Гузман, отставник недавний,
Изрядно чопорный, как все испанцы,
Поддался уговорам — осадить
Разборчивую деву, притворившись,
Что дворянин и сродник многих принцев.

Футелли. Мы в качестве соперника ему
Нашли Фульгосо: он болван с мощною,
Кто джентльменом стал, оставив ларь
Торговца на войне фламандской; ладно,
Решили мы: к Пантагрюэлю род
Пусть возведет по линии мужской,
Ну а по женской — к леди Фусту-Бунга,
Которая, придатки застудив,
Извергла вдоволь жидкости однажды,
Чтоб землю всю от Зерексе до Вере
Поверху шпилей затопить. Он сам
Луны повыше метит и вполне
Даст бой испанцу.

Адорни. Розыгрыш такой

Вам дева не простит.

Футелли. Коль вы, синьор,

Не против, эта шутка, кроме шуток,

Послужит воспитанию девицы.

Отец ее согласен испытаньям

Невинным дочь подвергнуть.

Адорни. Я секретов

Не выдаю дешевых.

Футелли и Пиеро. Ваши слуги!

Уходят.

Сцена 3

Входят Аврелио и Мальфато.

Аврелио. Где меланхолия, укоренясь,
Вошла в привычку — там живет любовь
Иль недовольство жизнью, говорят.

Но в случаях таких надежный друг,
 Кому с доверием и верой мы
 Готовы горе высказать, подчас
 Способней лекаря, поскольку в том,
 Чему лекарства нет, всего ценней
 Совет, пускай и ранищий. О да,
 Как хорошо освободить, Мальфато,
 От груза души, чтобы ей вкусить
 Сочувствие, коль уж не исцеленье.

МАЛЬФАТО. Не скажешь лучше.

АВРЕЛИО. Я не удивлюсь,
 Когда слова мои вы отнесете
 В счет любопытства, свойственного всем.

МАЛЬФАТО. Ничуть.

АВРЕЛИО. Иль в них корыстный интерес
 Увидите.

МАЛЬФАТО. Нет, нет!

Входит ФУТЕЛЛИ.

ФУТЕЛЛИ. Синьор Мальфато,
 Прощу прощенья; к вам я послан с тем,
 Чтоб вас отвлечь приватно, ненадолго.

МАЛЬФАТО. Меня? Зачем?

ФУТЕЛЛИ. В письме все объясненья.

МАЛЬФАТО. Как? Что? Откуда?

ФУТЕЛЛИ. Я тут лишь посыльный.

МАЛЬФАТО. Вот так задачка! Ну-ка, разгадаю.

АВРЕЛИО (*Футелли*). Как там синьор Адорни?

ФУТЕЛЛИ. В добром здравье.

АВРЕЛИО. Он благородный джентльмен, к тому ж

Удачливый весьма. Бытует мнение,

Что он в учтивости, манерах, речи

И поведением служит всем примером.

Как могут титулы возвысить тех,

Кто сам собой свой возвышает титул?

МАЛЬФАТО. Так вот, чей вестник вы!

ФУТЕЛЛИ (*смеется*). Ну да.

МАЛЬФАТО. Смешно?

На лбу твоём — когда бы псом ты не был

На поводке хозяина — я сам

Знак сводника бы выжег. Ну, иди ж,

Снеси посланье дьяволу, кем ты

Подучен был. Хозяину скажи,

Что он затеял глупую игру,

Пытаясь честь мою вмешать в скандал.

Трюк детский, подлый трюк, скажи!

Футелли.

Ах, что вы!

Аврелио. Мальфато, полно!

Мальфато.

Скажешь, шлюха мне

Знакома эта, бывшая жена

Его вассала, бедного Бенацци,

С кем торопливо развелась она,

Чтобы они с Адорни недостойным

Могли бы упражняться без забот,

Проблем, преград.

Аврелио.

Вы рубите плеча,

Весьма неуважительно!

Мальфато.

Да, я

Рожден свободным человеком. Ввек

За знатю я не нашивал обносков,

Не ел объедков их. Не лазил, сгорбясь,

В клоаку службы, что сулит награды

За выслугу, — и не был обойден.

По мне, и в слове “герцог”, если так,

От звания “синьор” отличий нет,

Помимо звука; и, как понял я,

Они по благородству наравне,

Причем древней второе.

Аврелио.

Ну и ну,

Вы ожесточены. О чем вы, сударь?

Всех сделать равными, нарушить весь

Порядок, всю природу? Вы безумны!

Мальфато. Коль я безумен, то причина есть,

И веская, Аврелио, клянусь.

Остряк Футелли мне письмо любви

Принес от Левидольче. Да, синьора

Искусно прячет след, но знают все,

Что ей Адорни платит пенсион.

Неужто выбран я в мужья для шлюхи,

Прикрытьем для разврата? Ах, Аврелио,

Мы с вами схожи: трудно мне стерпеть,

Коль кто-то посягнет на честь мою.

Прочь, прочь, Футелли! Перескажешь все,

Что слышал здесь. Но вновь со мной шутить

Остерегись, чтоб не обжечься. Прочь!

Футелли. Все передам.

Уходит.

Мальфато.

Нет, чем я заслужил,

С врагом сойдясь — с возлюбленной, простите, —
 Решайте, наступать ли сразу с флангов,
 Раздувши страсти, иль осадой взять,
 Пока она не сдастся, иль вовлечь
 Подкупленных шпионов. Например,
 Завербовать ее служанок, иль
 Затеять заговор — вступить в союз
 За полприданого с ее подругой.
 Иль перемирие принять — и вдруг
 Его нарушив (трюк для честных душ!),
 Украсть невесту, но провозгласить
 Ее триумф при этом — и трофей
 У вас в руках, синьор.

Гузман. В объятьях наших.

Футелли. Держите крепче!

Гузман. Крепко, как могла б

Держать рука воображенья.

Футелли. Эх,

Не удержали. Как же я забыл,

Что девственным красавицам претит

Одежды грубый запах, дух войны:

Я упустил об этом вас заране

Предупредить. Итак, отважный дон,

Оденьте поскорей воображенья

В наряды поприличней.

Гузман. Это просто.

Футелли. Весьма возможно, но, боюсь, что ваш

Весь гардероб — то, что на вас надето.

Гузман. А я вельветовый дублет представлю,

И в позументах рукава, и рюши,

Застежки с бриллиантом и чулки,

И страуса перо, и пышный шарф,

Подарок герцогини Инфантасто.

Футелли. Как модно!

Гузман. И накидку, воротник

Которой весь в жемчужинах, что были

Индийскими вождами де Кортесу

Представлены как выкуп, по цене

В тринадцать тысяч золотых — награда

За подвиг наш, когда спасти сумели

Инфанту мы от вепря в одиночку,

В лесах австрийских, с применением шпаги,

Вот этой самой, голой, острой шпаги.

Футелли. Втройне моднее!

Гузман. Так вот мы предстанем

Пред нашей Амореттой, как наследье
Своих достойных предков.

ФУТЕЛЛИ. А теперь
Представьте, будто вы уже сменили
Наряд свой повседневный (предположим)
На тот, что был описан. Аморетта
Пред вами. Пробуйте!

ГУЗМАН. Свет совершенства,
Боюсь, что ужасом смущу вам душу,
И лучше я о мире и любви
Шептал бы в будуаре вам, зане
Гром пушек, дым гудящий и огонь,
Как рвота ярости из глотки ада,
Оружья скрежет, ржанье жеребцов,
Взлетевшие на воздух города,
Поверженные башни, пепел, кровь —
Вот Гузманов великих быль и быт,
Вот наш победоносный род, притом
Весьма живучий... Как, смеетесь вы?

ФУТЕЛЛИ. Дон, это слишком! Дрожь бедняжку бьет.
В очах воображенья видно ль вам?
Мне — видно: так, как вы видали смерть
Свиньи австрийской. Девушкам милей
Пир, а не порох. Пробуйте, сеньор.

ГУЗМАН. Возлюбленная, что за пир нас ждет!
Мы яств вкусим, которым вкус присущ
Тех специй, что бросал арабский птах
В костер бессмертия; когда же блюда
Сменяться будут, мы себя займем
Усладами, кровь распалив настолько,
Чтоб этим выплавить чистейший род
Скипетроносных принцев, кто бы мог
Немедля трон занять в стране любой.

ФУТЕЛЛИ (*в сторону*). Вот человек, живущий на селедке
И чесноке!

ГУЗМАН. О пире продолжать?

ФУТЕЛЛИ. Ну, хватит, вы ее завоевали,
Пусть даже и в невзрачном одеянье.
Наряд ваш боевой и эти речи,
Отважный воин, покорят девицу
Скорее кукольных шелков. Забудьте
Дублет, и рукава, и рюши с ними,
Жемчужный воротник, чулки с брильянтом.
Весь блеск оставьте нытикам влюбленным, —
Таков Фульгосо, бледный ухажер,

Соперник хлипкий ваш. Носите свой
Костюм военный, это даже лучше.

Прошу вас в нем не изменить ни нитки.

Гузман. Что ж, я слыву мужчиной, кто менять
Одежду не привык; поступим так.

Футелли. И так вы угодите в женихи.
Я горд, что звездами был к вам ниспослан
Споспешником.

Гузман. Не поспешить ли с этим?
Мы очень рады.

Входят Фульгосо и Пиеро.

Фульгосо. Да, я проиграл,
Но деньги — пыль, а дамы — это дамы,
Игра — игра, фарт — фарт, фортуна — шлюха.
Я выглядел не слишком — кончим с этим.

Пиеро. Клянусь, вы блещете, вас окрестят
Незыблемым Фульгосо. Между тем
Спинеллу также фатум обошел?
На много ли?

Фульгосо. На шестьдесят дукатов,
Тридцатки две; кому какое дело?
Сыграла, я удвоил, карты биты,
Я только свистнул (*свистит*), как всегда свищу,
Как ничего и не было, вот так-то,
Пусть победитель делит наши деньги.
Его сиятельство себе в кошель
Не столь их весело сгребли, как я
Их просвистал. (*Свистит.*)

Пиеро. Вот благородный нрав!

Футелли (*в сторону, Гузману*). Соперника видали?

Гузман (*в сторону, Футелли*). Просто тьфу.

Фульгосо. Я поступлюсь вещами поважней,
Чем золото, коль уж на то пошло.
Вот так-то, даже честью, коли уж
На то пошло, с беспечным равнодушьем,
Пускай...

Пиеро. Но не любовью, нет, Фульгосо?

Фульгосо. Нет, это свято, ни за что на свете.

Пиеро. С какой же страстью Аморетте вы,
Как рыцарь в стычке лобовой, любовь
Открыть смогли!

Фульгосо. Сломал свое копьё.

ПИЕРО. Копье ума.

ФУЛЬГОСО. Ну да, вот так-то вот,
И навзничь пали женщина и лошадь.

ПИЕРО. Вот так-то.

ФУЛЬГОСО. Что сказать? Вот так-то всё.

ГУЗМАН. Как смели вы? И хвастаетесь здесь
При мне триумфом вашим? Так-то вот?

Фульгосо насвистывает испанскую павану.

ФУТЕЛЛИ. Ну, как вам, дон, сей brave муж?

ГУЗМАН. Он — муж?

Он — тростника пучок иль чан пустой,
Где ветер лишь один свистит, и всё.

ФУТЕЛЛИ. Фульгосо, он соперник ваш, пред кем
Вам отступать негоже.

ПИЕРО. Дон, держитесь
И вы, как следует.

ФУЛЬГОСО. Пойдите же:

Я думаю — и так сказал красотке, —
Мол, если нравлюсь, это хорошо,
А нет — так нет; по мне, что зверь, что птица.
Моя ль вина, что благороден я,
Но может также благородным быть
Другой; тогда мы благородны оба.
Пусть выберет она. Один получит
Жену, другой свободу; кончим с тем.
Мой дух возвышен — мне ль за даму биться?
Я полон милости — мне ль быть во гневе?
Вот качества глупейшие, но с ними
Никто мне не соперник из мужчин.

ГУЗМАН. Ты трусишь? Говорит твое оружие
На языке Толедо, Бильбо, Пизы?¹
Клинок Италии, металл испанский?
Скорей, к ответу.

ФУТЕЛЛИ. О, достойный дон!

ФУЛЬГОСО. О чем он? Я вооружен голландским
Жезлом.

ГУЗМАН. Голландцем на испанца?

ФУЛЬГОСО. Право,
Он бьет, не различая языков.

1. Толедо, Бильбо, Пиза — города, известные своим оружейным искусством.

Гузман. Держите все меня!

Фульгосо. Ну, и меня

Держите — ах, я ненавижу драки,
Но все ж держите — вдруг я не сдержусь.
Коль должен — я дерусь, равно — с мужчиной
Иль с женщиной. Голландец вам не люб?
Голландец иль француз, крещеный, турок,
Испанец, итальянец — мне одно,
Я знаю лишь, с которой стороны
Намаслен хлеб.

Гузман. Голландским маслом, так?

Ну ладно, вы намерены ли драться?

Фульгосо. Не мерьте мне намеренья. Кричать

Здесь бесполезно, вот моя защита!

(Свистит сигнал к атаке.)

А коли так, пойдем со мной на ужин.

Гузман. Мы примем предложенье, это славно.

Мир предлагает этот кабальеро,

А мир не отвергают понапрасну.

Футелли. Наш дон — всем донам дон.

Пиеро. Его величье

В пропорции к величине желудка,

Когда зовут на ужин.

Футелли. Лучший путь

К его сердечной дружбе.

Пиеро. Эту пару

Добавить к Девяти достойным¹.

Футелли. Раз

Так рок велит, что может лишь один

Быть избранным, и лишь один вкусит

Любовь прекрасной Аморетты, оба

Вы явитесь пред ней, без всяких ссор

И пререканий, как два друга. Тот,

Кого земных благословений тайна

Решит короновать, будь счастлив.

Пиеро. Но

До той поры вы — братья.

Гузман. Славный план.

Фульгосо. Идет, сегодня с доном пьем вино,

А завтра будет видно.

Гузман. Я согласен.

1. К Девяти достойным относили Гектора, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Иисуса Навина, царя Давида, Иуду Маккавея, короля Артура, Карла Великого и Годфри Бульонского.

По сцене проходят Адорни, Спинелла, Аморетта и
Кастанна.

[172]

ил 10/2022

АДОРНИ. Футелли и Пиеро! К нам, сюда.

ПИЕРО. Да, ваша милость.

ФУТЕЛЛИ. Сей же миг, синьор.

Уходят все, кроме Фульгосо и Гузмана.

ФУЛЬГОСО. Кто их позвал?

ГУЗМАН. Их милость, вероятно.

ФУЛЬГОСО. Не герцог ли?

ГУЗМАН. Мы герцоги и сами;

А кровь, что в нас течет, не посрамила б
Двенадцать Цезарей.

ФУЛЬГОСО. Причтем моголов,

И шахиншахов, хоген-моген ван ден¹,

Анчоус, чаус² — фьють. И свиты нет,

Раз — и сбежала пара болтунов.

Весьма обидно.

ГУЗМАН. Но отважный стерпит.

ФУЛЬГОСО. Вот так-то. Мы же поедим и выпьем,

Хоть рушься потолок.

ГУЗМАН. Вперед, на приступ!

Уходят.

Сцена 2

Входят Мартино и Левидольче.

МАРТИНО. Ты знаешь ли, как возмущен весь свет

Твоей беспутностью? О, тяжкий груз

Делить родство с тобою, Левидольче.

Моя племянница, что родила

Тебя, скончалась рано. Проживи

Она подольше и узнай, как ты

Грессишь — твоя родная мать

Желала б раньше умереть.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Но, сударь,

Я женщина. Была б мужчиной — меч

1. От *англ.* Hogen Mogen — голландец, важная персона; van den — частица со значением “из” (*нидерл.*).

2. Чаус — турецкий гонец.

Защитой был бы для меня и честь
Мог отстоять, знак смерти отпечатав
Тем на груди, из чьих похмельных глоток
Изверглась эта клевета. Но мне
Защитой только гордость; я стою
Превыше злобы света.

МАРТИНО. Левидольче,
Одеться в святость лицемерье мнит,
Но правды не изменишь. Вспомни лишь,
Как в пору девичью влюбилась ты
И вышла замуж — замуж! — за кого?
За коридорного, прекрасно! Что ж,
Твой возраст оправданьем был — у нас
Наследницы на денщиков клюют
И конюхи к хозяйкам в спальни вхожи.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Прошу, не следует меня бесчестить
Подобными познаниями.

МАРТИНО. Ага,
Я прямо в точку? Но теперь рискнем
Твое взросленье проследить. Как будто
Вы не сошлись, и ты взяла развод,
А я не стал доискиваться правды.
Но помнишь ли, я приютил тебя,
Заботой окружил, старался твой
Переменить характер, приглашал
Гостей весьма достойных, с положеньем
И чтимых всеми, — ну, и что же?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Что же?
Ах, не томите, дядя.

МАРТИНО. Я сильнее
Стыжусь тебе пенять, в какой разврат
Обращено мое гостеприимство,
Чем ты признаться в том.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Я — соержанка?
Такое ваше мненье?

МАРТИНО. Будь ты скромной,
То покраснела бы от слов таких.
Адорни щедр весьма, и говорят,
Что раздает сокровища свои
Он, как завидный покупатель, дам
Прельщая обещаньем пенсионера.
Но ты не знала, нет. Ты, притча во языцех,
Трактирная попевка. Я тружусь,
Чтоб стены дома укрепить, а ты
Шатаешь основанье. Этим утром

Не нужно здесь.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Как в зеркале, беда
Являет мне в царапинах лицо
Беспутной юности.

Входит ТРЕЛКАТИО с письмом.

МАРТИНО. Молчи... Трелкатио,
Вы к нам со срочным делом?

ТРЕЛКАТИО. Да, синьор
Мартино, вот так новость:
(отводит его в сторону) мой племянник,
Мой Ориа, отвагою своей
(Хоть это между нами) благодарность
От герцога Флоренции снискал.
Так говорят — но по секрету! — смял он
В бою нахальных турков.

МАРТИНО. Вот так весть!
А тайна в чем?

ТРЕЛКАТИО. Я предпочту, чтоб сам он
Все подтвердил. Но лучше вам прочесть,
О чем мне пишут.

МАРТИНО. Славно. Левидольче,
Я все сказал, что должен был. Трелкатио,
Пойдем. Причины радости и горя
Без компаньонов ходят редко, новость
Твоя надежды принесла и мне.

МАРТИНО И ТРЕЛКАТИО уходят.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Ну что, спасибо, дядя. Все открылось!
Сбежать бы прочь, смешав любовь и месть.
Мальфато, что за низость! И к тому ж
Мой пылкий герцог охладел. Итак,
Стань, нежность, яростью! Посмотрим, что нам
Влеченье, ненавистью став, сулит.

Уходит.

Сцена 3

Входят ПИЕРО, АМОРЕТТА, ФУТЕЛЛИ и КАСТАННА.

ПИЕРО. Синьора, в здешней галерее есть
Портреты, столь исполненные жизни,

Что принцы, королевы, короли
Вам улыбнутся с них.

АМОРЕТТА. А что, у них
На голофах короны?

ПИЕРО. С золотым
Сиянием.

АМОРЕТТА. А фколько лофадей
В каретах их?

ПИЕРО. Шестнадцать или двадцать.

КАСТАННА. Моя сестра! Она совсем одна.
Скажите, где она?

ФУТЕЛЛИ. Обходит дом.
Мы в галерее встретиться должны.
Диковин здесь немало, чтоб привлечь
Вниманье дам.

АМОРЕТТА. Что может быть милей,
Чем принфы на портретах.

КАСТАННА. Так пойдемте.

ПИЕРО. Сюда! (*Тихо, Футелли.*) Не спутай двери!

ФУТЕЛЛИ (*тихо, Пиеро*). Будь уверен!

Уходят.

Сцена 4

Входят Адорни и Спинелла.

Песня

Красота, любовь и свежесть
Празднуют весну в зените.
Торопитесь, страсть и нежность,
Взять свое, зимы не ждите.
Час блаженства не проспи,
Не противься, уступи!
Да, да! Чем ты слабей,
Тем ярче свет красы твоей!
Грех остаться недоступной,
Щедрым же воздастся много,
Долг платившим совокупно
В счет любовного налога!
Сладость сладости в обмен,
Уст союз благословен.
Пыл игре не повредит:
Уступивший победит.

Адорни. Прошу, безжалостно не возражайте,
Прекрасное создание, поклонению,
Где нет греха — а лишь служить вам жажда.
И честь моя, и все богатство взяты
В плен вашею красою триумфальной,
И коль вы знали мощь любви хоть раз,
Всю полноту неизъяснимой страсти,
Всю тиранию дум — тогда прошу,
В пропорции, измерить страсть мою.
И, покорив, вы покоритесь.

Спинелла. Сударь,
Не стоит неразумье обрывать
В одежду яркую. Отбросьте прочь,
Прочь от природы благородной все
Презренье к добродетели, чтоб вам
Прославиться стяжаньем жизни чистой.

Адорни. О, как сладок
Укор в устах чистейших, как ручей!
Я боль свою, как мессу, отслужу,
Разверзну копь алмазную для вас,
Над вами ливень золотой пролью,
Востока царства разорю, что шлют
Нам шелк и одеяния — в ответ
На ваши непритворные упреки;
Иначе жертвоприношение лишь
Родило б подозренье, что искал я
Земных наград, хоть к алтарю святой,
Кому я посвятил себя, дары
Я бескорыстно приношу.

Спинелла. Ах, Ориа,
Чем биться вдалеке за славу, муж мой,
За честь жены сразись.

Адорни. Сравните ли,
Жестокая, того, кто ваш заложник,
С врагами родины? Я применил
Не силу, лишь слова, что произнес
Язык, покорный сердца секретарь.

Спинелла. Смешно, когда рабы своих желаний,
Нас учат добродетели! Прошу,
Откройте мне темницы дверь.

Адорни. Даруйте
Свободу сердцу, что вы взяли в рабство.

Шум за сценой.
Входят Аврелио, Кастанна, Аморетта, Футелли и
Пиеро.

АВРЕЛИО. Назад, искатели утех фальшивых,
Иль я вас силой разведу! Возможно ль?
Наедине и под замком? Невинность!
Вдвоем в опочивальне? Вы, Адорни,
Бесчестный человек!

АДОРНИ. Что ваша грубость
Скандальным здесь сочла?

АВРЕЛИО (*Адорни*). О вас чуть позже.
(*Спинелле*.) О женщина, со славой вскоре к нам
Вернется муж, обманутый тобою:
Готовь ему прием, чтобы корону
Снять с головы его.

СПИНЕЛЛА. И также вы
Готовьте новости, чтоб триумфатор
Развлекся, дружбу вашу между тем
Связавши крепче, как меня изгонит
Он из души и памяти.

АДОРНИ. Достойно —
Плясать у чести женской на костях,
Без доказательств.

ФУТЕЛЛИ. Мы бы никогда так,
Во имя веры, христианства...

ПИЕРО. Я
Скорей бы в рабство, на галеры...

АВРЕЛИО. Тише,
Вы, продавцы издевок. Жутко слышать.
Кастанна, было б жалко мне причесть
Вас к соучастницам, но нахожу:
Когда соблазн подточит твердь судьбы,
Так все пропало.

КАСТАННА. Приговор тирана.

СПИНЕЛЛА. Что делать мне? Все кончено.

АВРЕЛИО. Ужасно,
Что вероломства символом ты станешь.
Неверность друга — грех весьма тяжелый,
Но меркнет пред изменою в любви.
Помогут ли развратнице прекрасной
Молитвы, чтобы вновь очистить душу,
Чьей белизной смогла ты поступиться?
Уже стусились тучи, шторм грядет.
Укрытья не помогут. Пусть виновных
Греха руины погребут.

Уходит.

СПИНЕЛЛА.

И это

Мужское благородство?
 Аморетта. Но о ком,
 Простите, говорил он?
 Адорни (*Спинелле*). Ничего,
 Ручатель вашей чести я, пусть даже
 Ценой всего, чем дорожу.

Спинелла. О Боже!
 Ручатель при живом супруге? Ориа!
 Защитник мой, он сможет чистоту
 Своей жены, не усомнясь на миг,
 От всех наветов оградить. Прошу
 О милости, сестра, — за мной не следуй,
 Так будет лучше всем, чтоб я предстала
 Сама перед судьей, а суд людской
 (Он строг к отверженным) моим мольбам
 Значенья не придаст. О горе, горе!

Уходит.

Адорни. Ее нельзя оставить так. За нею!
 Кастанна. Ни в коем случае! Ее, похоже,
 Уже преследовали вы, излишним
 Гостеприимством, чтоб за нею следом
 Опять спешить.

Адорни. Я покоряюсь вам.
 Но, как хозяину, позвольте мне
 Вас проводить до дому, будь что будет.

Уходят.

Акт третий

Сцена 1

Входят Фульгосо и Гузман.

Фульгосо. Дон, братец мой, кто сужен, тот и нужен,
 Вы или я; но если вы избранник,
 То я теряю девку, и не больше.

Гузман. Вы девкою ее назвали? Как?
 Ведь девка — шлюха, шваль и дрянь. Сеньор,
 Иль я ослышался, что вы мою
 Царицу девкою назвали здесь,
 И гром не разразил вас, грубиян,

Невежда низкий? Донна Аморетта,
Я посвященный рыцарь ваш.

Фульгосо. Я тоже;

Но если вдруг она меня отвергнет,
То я распосвящусь, не покрасневши.
Но фью — зови ее Прекрасной Дамой,
Мечтой, царицей — в ней лишь плоть и кровь,
И временами дамы, к сожаленью,
Лишь флирт — и только, труляля — и только.

Гузман. Тогда к барьеру.

Фульгосо. Хочешь быть побитым?
Одним ударом! Вот и шпага. (*Вытаскивает шпагу.*) Вмиг
Спущу галлон твоих мозгов, и в дырку
Налью вина две кружки.

Гузман. Вот так братство!

Фульгосо. Иль свистом в жар тебя вогнать? Но нет,
Зачем все это? Лучше выпьем, брат,
В вине потопим несогласье. Мода!
Отстал от моды, брат.

Гузман. Ее глаза,
Как два луча, ниспосланные нам
Ярчайшею орбитой солнца, чтоб
Затмить нам зренье; а над ними два
Тончайших лука, будто Купидон
Их полукругом выгнул, осенив
Две клумбы бело-алых роз, что врозь
Слоновой кости арка разделила,
Парящая над храмом, где царит
Оракул безупречней Аполлона,
Чьи речи слаще песен неземных.

Фульгосо. Эй, вы о чем?

Гузман. Что до других частей,
Всех...

Фульгосо. Всех? Тут ниже пояса удар.
Ни вы, ни я, ни часть моя пока
Не знали целого.

Гузман. Но я ее
Всю рассмотрел во сне, могу рисунок
Для вас до сантиметра начертить,
Как будто с компасом ее измерив,
С линейкой, с головы до ног.

Фульгосо. Подумать,
И все во сне?

Гузман. Вот именно, во сне.

Фульгосо. Кем стал мой бодрствующий брат солдат?
Когда уж не портным, то землемером.

Входит Бенацци как разбойник. Левидольче на верхнем уровне сцены.

А это кто? Отчасти, человек.

БЕНАЦЦИ. Смерть репутации, колесо, дыба, галеры, плаха — нелепые глупости: гоблины, чтоб пугать детей. Бедные тонкокожие плуты: они рыдают от шрама, оставленного булавкой; одна слеза из глаз проститутки производит землетрясение в их костях.

Фульгосо. О небо, монстр, чей плащ кинжалом штопан,
Глаза — два медных чана, ну а лохмы,
Как у дворняги грязной.

ГУЗМАН. Осторожней,
Подальше от него; а, вот он близко.

БЕНАЦЦИ. Головорезов полно за границей, но вернешься домой, и гниешь в обносках; смелый воин — давай, будешь сводником, ну? Дерись за чашку теплого супа. Проклятье. Почетный головорез — хорошенькое званье, чтобы дураки им хвастались; тощеребрый аптекарь травит *cum privi-legio*¹, и ему за это платят. О соединенное королевство зверей, там гораздо больше порядка.

ГУЗМАН. Брат, лучше помолчим; немного чести
Болтать с подобной обезьяной.

Фульгосо. Верно.
И все бормочет что-то; но поверь мне,
Он искушен в разделяваньи шкур.

БЕНАЦЦИ. Только посмотрите; лев рычит, а спаниель заискивает. Лежать, дворняга! Барсук подкупил единого рога, чтобы суд закрыл глаза на барсучье воровство. Меж тем медведь платит волку, потому что он не станет выть бесплатно (звери зовут воем речь в суде). А вот лошадь жалуется на обезьяну за то, что та пустила ее в галоп: жокей строит рожи, но будет оштрафован; при этом обезьяна не смеется над оленем за его рога, заяц над ослом за его ношу, леопард над волком за его ярмо, а баран над козлом за его бороду; и только лиса греется в бобринной шкуре, попрекает кота мышью, слона работой, вепря желудями, и скалится, ест жирное, говорит истории, хохочет надо всеми, и спит в безопасности у ног льва. Сохрани вас Бог, люди.

1. По праву (*лат.*).

Фульгосо. Как и тебя, коль сотворен ты небом.

В чем дело? Дон, клинки у нас остры?

Мы сами из металла, кто не знал.

Гузман. Наш брат сказал, что на уме у нас.

Бенацци. Игра сыграна! Посмотрите внимательно на этот хлыст: одним этим хлыстом я вычистил мозги у тринадцати турков, чтобы ими накормить дюжину солдат.

Фульгосо. Тринадцати? Возможно ль, что не лжет он?

Бенацци. Когда-то я был ученым, а потом мне пришлось пойти побираться. Потом я стал адвокатом, но у меня обнаружилась совесть, и я был выброшен из палаты. Я стал солдатом, но не смог получить письмо для продвижения. Стал бы я купцом, чтобы своры крыс обгрызли меня до костей; купил бы себе местечко, но все позиции были заняты; предложили место судьи, но мне не достало кредита, чтобы приобрести одежду; предался разврату, нанялся надсмотрщиком на галеры, попал в плен, освобожден среди других вашим великим человеком — они зовут его Ориа — и вот теперь я знать не знаю, кто я, что и где. Как я вам нравлюсь? Говорите.

Фульгосо. К любой дыре затычка. Что за путь
Теперь ты выберешь? Ну? Отвечай!

Гузман. Но не тушуйтесь, сударь; мы сполна
Познали нрав фортуны в наши дни.

Бенацци. Я беден скверно, безобразно, грязно.

Левидольче (*бросает кошелек*). Возьми,
Употреби на радость, чти
Приязнь фортуны и молись за щедрых.

Уходит.

Фульгосо. Вот это да, кошель. Обронен! Стойте!

Ха! Здесь цыганки? Ладно, мой со мной.

Дон, это ваше?

Гузман. Не мое; я вряд ли

Носил бы столь немодную вещицу.

Фульгосо. Надеюсь, он не пуст, достойный друг?

К чертям пустые кошельки.

Гузман. К лукавым.

Бенацци. Стойте от меня подальше, поскольку вы смертные! Вы тупые болотные пузыри, полные грязи и мусора. Это страна фей! Высокочтимая королева эльфов, я преклоняюсь пред тобой (*кланяется*), посвящаю службу, кровь, все жилы тебе, сладкая самодержица щедрости и свободы. Французский портной — аккуратно!

Персидский повар — изысканно! Греческие вина — насыщенно! Фландрийские кобылицы — статно! Испанские салаты — пикантно! Венецианская шляха — завлекательно! Английская проститутка — несравненно! Господа, я в хорошей компании.

Фульгосо. Весь твой эскорт? Презренные пигмеи!

Ну, не сердись же. Мне твой нрав по нраву,
Хоть он порой и странен, скажет всяк,
Но я готов тебя нанять на службу.
Тебе хозяин нужен? Я к услугам,
А нет, пойдя повесься. Эй, без драки!

Гузман. Не отвергай же предложения; деньги

Исчезнут, сгинут, словно лживый друг.
Иметь их — будто скользкого угря
Держать за хвост; прими совет, приятель.

Бенацци. Прекрасно. А какое место мне предлагается?

Спальня, гардероб, чердак или конюшня?

Фульгосо. Одно и все. Итак, пожмем-ка руки.

Как звать тебя?

Бенацци. Парадо.

Фульгосо. Так займись

На службе сразу сбором новостей,
А также время говорить мне будешь.

Бенацци. Если говорить со всей пунктуальностью, час и полвосьмого три четверти двух секунд одной минуты, самое большее, синьор.

Фульгосо. Нет, жди, когда спрошу — а коль спросил,

Мудрей не стал я; что ж до новостей...

Бенацци. Ориа счастливчик как раз сегодня должен быть принят с большой торжественностью в доме городского совета; улицы уже запружены зеваками.

Фульгосо. Заучено недурно; дон, пойдём,

Чтоб нам не опоздать.

Гузман. Скорее, братец.

Фульгосо. За нами, послушник.

Бенацци. Как тень, за вами.

Уходят.

Сцена 2

Входят Ориа, Адорни, Мартино, Трелкатио, Аврелио, Пиеро и Футелли.

Ориа. Вы в почестях явили вашу щедрость,
 И хоть отмечен скромный мой успех
 Столь милостиво и достойно вами,
 Я это к сделанному отношу,
 Не к сделавшему — к благородной цели:
 Так герцог флорентийский наградил
 Меня за службу, как пример другим,
 Скорее поощряя этим доблесть
 И дух отваги, чем мои стяжанья
 Короновав. И до тех пор, пока
 Я жив, я жизнь не стану чтить как ценность,
 Коль родине она не платит долг
 Рожденья моего и возвышенья.

Мартино. Чему способствуя, наш славный город
 Во избежание того, чтоб наш
 Достойный гражданин искал бы помощь
 И пенсион от прочих принцев, вверить
 Вам корсиканский трон решил.

Трелкатио. Прибавьте,
 Помимо выплат годовых, навечно
 Вам и наследникам доходы все
 От города Савона, с нареченьем
 Вас адмиралом Генуи.

Адорни. Немедля
 Авансом я вручу вам из казны
 Дукатов тысячу.

Мартино. И это просто
 Пока на мелкие расходы вам.

Футелли. В своих деяньях будьте бережливы,
 Сохранны и успешны.

Пиеро. Если нужен
 Вам самый скромный, чтобы исполнять
 Команды ваши, с радостью готов
 Быть в этом первым.

Ориа. О, так я теперь опять
 На службе государства, но работа
 Мне по плечу ли? С вами, господа,
 Как друг, заботлив буду я и честен.

Адорни. Еще, граф Ориа (ваш новый титул!),
 В честь ваших подвигов советом были
 Под номером занесены в реестр
 Те письма герцога, где говорится
 О том, как вы в историю вошли.

Ориа. За грузом груз! Пусть скромности нехватка
 Манеры не испортит мне; я должен

На мелководье — так что и юнец
 На палочке мог обскакать меня, —
 Ты был в речах суров со мной, постлав
 Мне ложе парадоксов; но сквозят
 И ныне недовольство и презренье
 В твоих речах.

Аврелио. Землетрясенье, Ориа,
 Рождает ураган, что может сдуть
 Бриг радостей твоих в залив сомнений.

Ориа. Да брось уж, злыдень! Видел я, как мрачен
 Ты был на этих сборищах: триумфы
 Мои трубят под каждой крышей; дым
 Столбом стоит везде, и не найти
 Ни комнаты, чтоб скрыться, ни того,
 Кому о горе рассказать своем.
 Но кажется, что будто в сердце мне
 Седые парки протянули нить
 И, как запал, грозят его поджечь.
 Я правил королевством, но потом
 Свой трон благословенный потерял
 По заговору слабости и страсти.

Аврелио. Триумф лишь только множит те несчастья,
 Что прячутся в твоём доме.

Ориа. Мой дом!
 Тот дом, который ты чернишь, исчез.
 Но даже завершив мой полный круг,
 Как пилигрим, пройдя вокруг земли,
 Жизнь завершив свою, в могильной тьме —
 Мне целым стать не суждено и там:
 Я только часть себя — а где моя
 Другая часть, не вemo. Мы с женой...
 Да что? Как говорить мне о жене?
 Когда бы я с той женщиною мог
 Есть лишь объедки — в плесени и гнили —
 Все лучше жизни врозь; ходил бы я
 И побирался за двоих, жалея
 Ее вдвойне.

Аврелио. Нет, не терпенье нам
 Потребно, чтобы грешников исправить.
 Ее жалеешь ты. А как же месть?

Ориа. Мстить? Но за что, немилосердный друг?
 Кому? Прошу тебя, подумай толком.
 Застал Спинеллу у Адорни ты;
 Любезничал он с гостьей, вероятно.
 Будь с ней сестра и прочие — и кто

В чем усомниться мог? Ах, с нею он
Наедине остался? Тот жены
Прекрасной не достоин, кто ее
Достоинствам не верит в час угрозы.

Аврелио. Мне дверь пришлось взломать.

Ориа. Ущерб немалый,
Что, как и грех бесстыдных подозрений,
Заслуживал бы выговора, друг.
Признаюсь, был я в юности моей
Доверием синьоры награжден
И принят в комнате, где, запятнав
Тот храм невинности и чистоты
Неосторожным словом, я бы вмиг
Взамен всех льгот в презренье ввергнут был.
И если кто тогда посмел бы плестъ
Дурные домыслы, то справедливость
Не я б тогда, а мой клинок навел.

Аврелио. Но почему в тот миг, когда я к ним
Ворвался, у Адорни кровь к щекам
Прихлынула, как от стыда?

Ориа. О, вздор!
Неужто кто подобный аргумент
Рискнет закону предъявить всерьез?
Ведь если б с ней он вел себя превратно,
То суть его мужская всякий стыд
В ее присутствии переборола,
И он не покраснел бы; вызвал ты,
Дверь выломав, неловкость у невинных.

Аврелио. О, ты силен в любезности соседской;
Ручной зверек приучен прятать раны;
Так может славу муж снискать.

Ориа. Ты вежлив,
Хоть и жесток.

Аврелио. Но отчего, скажи мне,
Невинной будучи, Спинелла скрылась?
Ведь о твоём триумфе знают все,
И я сказал ей, чтоб тебя ждала.
Зачем же прятаться?

Ориа. Ответ таится
В тебе. Я объясню. Сдружились мы,
Аврелио, в благую пору детства;
С какою гордостью я другом чту
Того, кто верен, предан и открыт,
Кто, истину свою диктуя мне,
Не брезговал учиться у моей.

Спасибо, промысел судьбы! И вновь
Я требую... жена... вы... сударь...
(Обнажает меч.)

АВРЕЛИО.

Громче!

Шум не страшит меня; врагов привык ты
Пугать, похоже, криком — и в итоге
Ты докричаться до того готов,
Чтоб лучший друг с мечом пошел на друга.
Но, Ориа, мой не бледнеет меч (*достаёт меч*)
При виде твоего. Поверь, коль сможешь:
Был прав я, сделав то, в чем был я прав;
И двадцать раз, коль заново начать,
Я б делал вновь и вновь, терпя упреки;
Хоть ты со мной расчелся, и теперь
Мне все равно.

ОРИА.

Пускай и долг, и совесть

Свидетелями будут: и во гневе
Я б никогда не применил меча
Против Аврелио; пусть лучше мне

Оба прячут мечи.

Отрежут руку, вынут сердце, прежде
Чем глупости поддамся; если я
Спинеллу потерял — то не хочу
Лишиться и Аврелио. В безумьи
Средь образов обманных бродим мы,
Твердя о том, чего в помине нет;
Давай-ка, добрый человек, совместно
Искать блуждающую душу, мир
Меж нами сохраняя.

АВРЕЛИО.

Несомненно,

Она найдется вскоре.

ОРИА.

Так-то лучше.

Вот голос друга. Ориа с Аврелио —
Враги? Не будет так и быть не может!

Входит КАСТАННА.

Гляди, Кастанна здесь! И, как обычно,
Прекраснее алмаза, под замками
Хранимого, что на виду поблек бы.
КАСТАННА. Благодарю, синьор! Мне невдомек,
Что вам известно о произошедшем
И в чем теперь обвинена я всеми;

БЕНАЦЦИ. Записка в кошельке мне указание дала прибыть сюда, сейчас; и кем бы я был, когда б не прибыл? Вот и птичка.

Входит Левидольче.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Парадо — кажется, вас так зовут?

БЕНАЦЦИ. Гриб вырос из земли за одну минуту под солнцем вашей добросердечной милости. Щедрость и гостеприимное сочувствие, как и божественная красота, так долго лежали прикованными к постели во прахе старого мира, до этой минуты. Ваше блистательное милосердие разворошило мертвые угольки, дав жизнь червяку, который, будучи необратимо преданным вам, к вашим услугам в моей новообретенной форме.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Вот благодарный человек. Там, где Приют находит благодарность, будет Дверь прочим доблестям открыта. Ты Рожден в какой стране?

БЕНАЦЦИ. Ни в одной. Я родился в море, когда моя мать была между мысом Люгодори и мысом Кальяри на пути в африканскую Сардинию, был воспитан в Аквиластро и спустя годы нанялся на службу к испанскому вицекоролю, пока не был взят в плен турками. Я отведал за свою жизнь приличный запас хорошего и плохого, и благодарен и за то, и за другое.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Ты, видно, сын родителей достойных.

БЕНАЦЦИ. Они были уважаемы, не менее того; бывает множество детей, кто наследует земли тех, кто их и не зачинал. Муж моей матери был очень стар в момент моего рождения, но ни один мужчина не стар слишком, чтобы не стать отцом ребенку собственной жены. Как ваш слуга, я уверен, что буду всецело достойным.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Ты будешь предан?

БЕНАЦЦИ. Да.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Проворен?

БЕНАЦЦИ. Да.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Рассудок и рука не дрогнут?

БЕНАЦЦИ. Ни за что.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Без лишних слов: нет времени в запасе.

Меня вельможа знатный обесчестил.

БЕНАЦЦИ. Кто он?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Адорни.

БЕНАЦЦИ. Он умрет.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Мальфато

Презрел мою любовь.

БЕНАЦЦИ. И он умрет.

Моя награда?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Назови — получишь.

БЕНАЦЦИ. Я стану вашим мужем.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Ха!

БЕНАЦЦИ. Иная

Награда не нужна; иль я вас выдам.

А согласитесь — все исполню. Что же?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Согласна; выполни, что я просила,

И требуй должное.

БЕНАЦЦИ. Ну нет, красотка,

Вперед оплата, иль прощай.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Постой же.

Подумай, что за страшную чуму

Со мной приобретешь ты; стыдно молвить,

Но знай, что я без всяких угрызений

Постель супруга бросила — утexas

Делить с Адорни.

БЕНАЦЦИ. С тем Адорни?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Да.

А после, недовольна им, искать

Другой любви я стала; но отверг

Меня Мальфато.

БЕНАЦЦИ. Тот Мальфато?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Тот.

Вот почему решила выжечь я

Мои грехи на их сердцах, чтоб впредь

Уж не грешить. Остыл ли ты ко мне?

БЕНАЦЦИ. Жар лишь сильнее, он грех испепелит.

Наш договор бесспорен.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Ну, вот моя рука и верность, крепче,

Чем клятвы в церкви. Пусть не повредит

Поспешность узам, что порвет лишь смерть.

БЕНАЦЦИ. Назначьте время.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Завтра в тот же час,

Тогда решим, как лучше все устроить.

БЕНАЦЦИ. Да, кстати, как зовут вас?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Левидольче.

О нашей сделке ты не пожалеешь.

Но все ж боюсь, сбежишь.

БЕНАЦЦИ. Клянусь, что нет,

Лишь поцелуй в залог — прощай.

Уходит.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ.

Как зорко

Любовь под масками провидит лица.
Ложь сладострастья, прочь! Да правит правда!

Уходит.

[193]

ил 10/2022

Акт четвертый

Сцена 1

Входят Мальфато и Спинелла.

Мальфато. Вы в безопасности, кухня, здесь;
Хочу, чтоб снова поделились вы
Печалью со мной. Я весь вниманье,
Ведь сам я стал так тесно породнен
С печальными раздумьями, что речи
Мне, как лекарство, эти.

Спинелла. Слава мужа:
Чем выше вознесен он будет ею,
Тем более он будет склонен верить
Всем низостям об имени моем.

Мальфато. Кухня, пусть разверзнется земля,
Моря и небо сменятся местами —
Но ваша чистота бесстрашно ждать
Стихий смиренья сможет. Пусть виновный
Трепещет, а не жертва. Вы жестоко
Своей свободы усекли границы.
Но откровенно: был ли лорд Адорни
Назойливо распушен?

Спинелла. За чертой
Любезности, но лишь слегка.

Мальфато. Пределов
Не преступил в ухаживаньи?

Спинелла. В толк
Никак не взять мне, что случилось. Грань
Я провела меж радостью земной
И лучшим человеком на земле
Среди живущих: с чем его любовь
Могу сравнить?

Мальфато. Но если так, кухня,
То я бы мог легко назвать созданье,
Чья страсть с любовью Ориа сравнима,
Страсть к вам, Спинелла, сильная настолько,
Как Ориа любовь была, есть, будет.

Послушайте с терпением.

С ПИНЕЛЛА.

Любимцам

Судьбы к лицу ли жалобы?

МАЛЬФАТО.

Внемлите ж

Истории, что развивалась так:

Спинеллы родственник — вот вам сюжет —

Точнее, сын сестры ее отца —

Когда она была еще свободна,

Влюбился до безумья в совершенства,

Что ею явлены; питал надежды

На честную возможность состязанья;

Все взвесил трудности, что пролегли

Меж ним и тем, чего дерзал достичь;

Нашел одну прореху лишь из всех,

Какие были: близость двух кровей —

Но разве не положено любви

Предубеждениями пренебрегать?

Но он любил, любил, желал, желал,

Подчас хотел открыться, и увы,

Он не решился, ибо не решался.

С ПИНЕЛЛА. Как хорошо!

МАЛЬФАТО.

Да, очень хорошо!

Чудесно просто, раз случилось так.

Но после свадьбы, зная, что теперь

Ни капли от надежды не осталось,

Все ж он тогда — теперь — тогда не мог

Унять кипенье страсти, хоть поклялся

Вовек не открывать секрета ей,

Его Спинелле, и к тому ж вовек

Не приближаться к ней, но избегать

Любых возможностей, фортуной данных.

С ПИНЕЛЛА. Мой разум, притупленный в долгих бденях

Печали дрящейся, не восприимчив

К подобным тяжким новостям; мой слух,

Кузен, речам внимает — только ум

Другим предметом занят.

МАЛЬФАТО.

Как же вы,

Столь бережно свои лелея беды,

Вдруг бессердечны к брату по несчастью?

Но здесь мой выигрыш: нежданно призван

Потребностью поспешной, роковой

Встать на защиту чести оскорбленной,

Против любого — титулы не в счет —

Я утвержу, что все наветы мнимы,

Бесчестны, лживы, подлы.

СПИНЕЛЛА. Милый брат мой,
Чтя ваше благородство...

МАЛЬФАТО. Руку я
Благословляю, что печать поставит
Мне в паспорт, путь печальный завершив.
Ведь победив — не дай-то Бог — останусь
Я в памяти времен, сменивших наши,
Как тот Мальфато, родственник Спинеллы,
Утративший свой разум от любви.

СПИНЕЛЛА. Довольно; не могу я слушать.

МАЛЬФАТО. Век
Отныне не услышать слога вам
Из этих уст о чепухе любовной.

Входит КАСТАННА.

КАСТАННА. Ты вызвала меня, и вот я здесь.
Сестра, сестра моя, как ты могла
Не взять сестру с собой!

МАЛЬФАТО. Да, в самом деле.
Кастанна, этот дом для вас открыт,
Как был для вашего отца.

КАСТАННА. Надеюсь,
Хотя вы сам не свой порою, сударь.
Но что же ты, сестра, хранишь молчанье,
Иль я некстати?

СПИНЕЛЛА. Ориа здоров?
Прости, его не назову я мужем,
Пока не скажешь ты, какой женой
Гнев Ориа нарек беглянку. Что же?
Нет, стой, Кастанна! Знаю, друг его
Меня, как добродетельный мужчина,
Представил женщиной дурною.

КАСТАННА. Но...

СПИНЕЛЛА. Стой, сердце так трепещет, знаю, твой
Язык едва смиряет нетерпенье.
Как я Кастанну мучаю! Но прежде
Скажи мне кратко, честно: он здоров?

КАСТАННА. Он в добром здравии.

СПИНЕЛЛА. Спасибо небу.

МАЛЬФАТО. Такой жены еще не ведал мир.
Кузина, чувства обуяли вас,
И вы не слышите сестру.

СПИНЕЛЛА. Пусть скажет.
Итак, сестра?

КАСТАННА. Супруг твой благородный
 Глух к темным слухам и тоскует лишь
 Он от разлуки вашей беспричинной.

МАЛЬФАТО. Ну что, кузина?

СПИНЕЛЛА. Это правда?

КАСТАННА. Также

Он радости в своей не видит славе
 И даже сомневается всерьез,
 Что ты жива, поскольку он уверен:
 Спинелла никогда бы не смогла
 Им пренебречь, с ним будучи едина.
 Над клеветой о твоём бесчестьи
 Смеется он.

СПИНЕЛЛА. Все это правда?

МАЛЬФАТО. Этим

Доказано, что он достоин счастья.

КАСТАННА. Неужто ты не тронута известьем?

Ты холодна.

МАЛЬФАТО. Мой Бог!

СПИНЕЛЛА. Я недостойна.

МАЛЬФАТО. Но в чем?

СПИНЕЛЛА. Идем, кузен! Пора, Кастанна!

Уходят.

Сцена 2

Входят Трелкатио, Пиеро и Футелли.

ТРЕЛКАТИО. Совет откроет сессию вот-вот;
 Я опоздаю. Значит, господа,
 Мой дом — ваш дом. Коль ваши планы трезвы,
 То действуйте.

ФУТЕЛЛИ. Веселье иногда —
 Предмет серьезный.

ПИЕРО. Ну а мы, синьор,
 Стремимся к лучшему.

ТРЕЛКАТИО. Не подведите;
 Удачи вам.

Уходит.

ПИЕРО. Футелли, это развлечение нужно
 Так тщательно устроить, чтоб потом
 Могли мы непременно заслужить
 Фавор у Ориа, коль все сойдется.

Футелли. Я, право же, устал от скучной доли —
 Стараться преуспеть на этой службе
 За кров и пищу. Острый ум? Вот ценность!
 Остри и старься — паперть ждет давно.
 Нет, прибыльней в белье копать грязном.
 Возьму расчет.

Пиеро. С учетом наших трат,
 Наш заработок — лучшая из шуток.

Футелли. Ну тихо, вот жених.

Пиеро. А вот соперник.

Футелли. А вот сама Мадонна Сладких Губок.

Музыка.

Послушаем, фто нам она на-феп-фет.

Входит Аморетта.

Аморетта. О, дфентельмены, я слыхала тут
 Мелодию, прекрасней фсех на сфете.
 Но для кого смыфки играют эти?

Пиеро. А вы не знаете?

Аморетта. Моим губам
 Не дам труда произносить фопрос,
 Когда ответ я знаю.

Футелли. Примененье
 И вправду лучше есть для губ таких,
 Как ваши — коль пословица не врет.

Аморетта. А, фелофаться? Фу, одни насмефки —
 Пусть дфе губы фелуются друг с друфкой —
 Ни с кем другим!

Песня

Эй, пришли мы веселиться,
 Шутники, веселый сброд,
 К локтю локоть, глум и похоть,
 Льем и пьем, хоть рухни свод.
 Выпьем и нальем опять —
 Кто бы с ног
 Сбить нас мог,
 Покуда есть пол, чтоб на нем стоять.
 Фот пофла бы с нами в пляс
 Та, кто фсех милей для нас.
 В мире нет сластей на фкус
 Слаффе фепеляфых уст.

ПИЕРО. Вам нравится мотив?

АМОРЕТТА. О, что за песенка, ну просто прелесть.

ФУТЕЛЛИ (*в сторону*). Безделица, но мило. (*Аморетте*). Видно, принц

Какой-то сочинил ее, чтоб вас

Приветствовать.

АМОРЕТТА. Фы думаете так?

И, может быть, какой-то принф сейчас

Сфет притуфыл?

ПИЕРО. Принц темноты, должно быть.

АМОРЕТТА. Но кто он?

ФУТЕЛЛИ. Несравненный воздыхатель:

Красоток больше он завоевал,

Чем все цари на свете.

АМОРЕТТА. Фсе неправда!

Входит Фульгосо.

ФУТЕЛЛИ. Вот этот джентльмен, известно мне,

Знаком так близко с принцем темноты,

Что он вам все расскажет.

АМОРЕТТА. До чего

Заманчифо!

ПИЕРО. Терпение, синьора.

ФУЛЬГОСО. Похоже, я понравился ей сразу;

Как смотрит на меня! Ну, Фульг, вперед.

ПИЕРО. Монсьер Фульгосо!

ФУЛЬГОСО. Вы слышали песню?

Мое творение. Восторг, не так ли?

АМОРЕТТА. Не принф ли сочинитель?

ФУЛЬГОСО. Принц? Нет, мы,

Слова и музыка и все про все,

Ни ноты здесь, ни слова нет чужих,

И этот мозг их, как цемент, скрепил.

Мы делаем дела.

АМОРЕТТА. Так спойте сами!

ФУЛЬГОСО. Нет, петь я не могу,

Лишь мартовским котом или совою;

Но насвищу вам.

АМОРЕТТА. Фы футник, я фижу.

У принфа темноты, должно быть, ф сфите.

ПИЕРО. Да, я скажу вам, кем он служит там:

Принц этот до безумья увлечен

Ручными птицами; сей джентльмен

Как раз глядит за певчими дроздами.

Отца возникший был его учитель.

АМОРЕТТА. Быфают странные пути порой,
Чтоб дфигаться по службе.

ФУЛЬГОСО. Я вас слышу

И благодарен, что меня сочли
Служакою успешным, но, по правде,
Живу я на доход с моей земли,
Паразитирую.

АМОРЕТТА. Но как фозможно...

Входит ГУЗМАН.

Бог мой, но кто это?

ФУТЕЛЛИ. Мощь во плоти.

ГУЗМАН. Пусть вашу красоту не испугают
Заслуги воина, ведь даже Марс —
Мой образец и в битве, и в любви —
Для стрел Эрота уязвим; итак,
Как бог войны, склоняюсь, не склонясь.
Богиня красоты, позвольте мне
Припасть к руке губами, где таится
Дыхание, что армии повергло.

АМОРЕТТА. Клянусь сфятой погодой, что за фформ?

ФУТЕЛЛИ. Дон, отодвиньтесь, вот, еще чуток
Подальше. Иль вам незаметно, как
Дыханье ваше ужаснуло даму?

ГУЗМАН. Пускай война не дышит здесь; я буду
Дышать так нежно, как флакон с духами
У дамы в спальне, ибо я могу
Дышать, как лев, и как овечка тож.

ФУТЕЛЛИ. Постойте лучше здесь беззвучно, дон,
Во всей красе; и вы возьмете этим.

ГУЗМАН. В молчании предстану.

ПИЕРО. Встаньте здесь,
Фульгосо несравненный.

ФУЛЬГОСО. Здесь.

ПИЕРО. Как раз.

Пусть вас сравнит — и торжество в кармане;
Сомненья есть, синьор?

ФУЛЬГОСО. Сомнений нет.

ПИЕРО. Ни слова без сигнала.

ФУЛЬГОСО. Свист позволен?

ПИЕРО. Чуть, про себя, чтоб время скоротать.

АМОРЕТТА (*в сторону*). Дфа дурака?

ФУТЕЛЛИ (*в сторону*). Но быются из-за вас!

ПИЕРО. Пусть дон начнет — начните, дон; вы внешне
 Осмотрены, и внутренне — сквозь швы
 И дыры на одежде.
 ГУЗМАН. Этот саван,
 Синьора, только маскарад для принца.
 АМОРЕТТА. За музыку спасибо, принцф.
 ГУЗМАН. Мои
 Слова ей — музыка.
 АМОРЕТТА. За песню ту,
 Что вы послали с фашиим сфистуном.
 ГУЗМАН (*в сторону*). Он — мой слуга? Любовь,
 Ты в корень зришь.
 ФУЛЬГОСО. Эй, как? Его свистун? Я не смолчу,
 Не думайте! О черт. Его слуга?
 Кто гол и бос, некормлен и в заплахах?
 ГУЗМАН. С одним клинком...
 ПИЕРО. Весь арсенал бедняги.
 ГУЗМАН. ...не я ли поле целое врагов
 Косил, как крови жаждавший юнец
 Головки маков...
 ФУЛЬГОСО. Маку покурив.
 ГУЗМАН. Не я ль? Не я ль?
 ФУЛЬГОСО. Не ты, о лжец презренный,
 Я докажу!
 ГУЗМАН. Не я ль? Но Бог с тобой,
 Пусть запретят мне говорить о славе,
 Я бью тебя своим происхождением.
 АМОРЕТТА. Как интересно!
 ГУЗМАН. Слушайте, дивитесь;
 Мой прапрапрадед — древний герцог был,
 По имени Десвергонзадо.
 ФУТЕЛЛИ. Имя
 Прекрасное, и значит по-испански
 Первейший плут. Он думал, мы не знаем.
 ГУЗМАН. Меж тем мой дед был герцог Аргозиле.
 ФУЛЬГОСО. Был герцогом воров, уж не иначе.
 ГУЗМАН. Был дед по матери испанским графом,
 Конде Скривано.
 ФУТЕЛЛИ. Криворукий писарь.
 ГУЗМАН. Отец же матери моей — маркиз,
 Ихо де пута.
 ПИЕРО. Значит, сын путаны.
 ГУЗМАН. И мой отец — никто, как Дон Пикаро.
 ФУТЕЛЛИ. Иначе, шельма — да уж, славный род!
 ГУЗМАН. Ихо де уна правда.

- Пиеро. Ну, хватит,
Сын первой сволочи — отважный дон!
- Гузман. Род, славный на земле и на воде.
- Футелли. Галеры и Брайдвелл.
- Фульгосо. Нет, нестерпимо
Мне слушать лай — я выскажусь, синьора!
- Гузман. Нечестная игра.
- Фульгосо. Мне все равно.
От короля я славный род веду;
Царь Оберон — вот от кого отец мой,
Отважный, сильномогущий Монтибанко
Произошел, а мать, с которой
Нижнегерманскую воспринял кровь я,
Фамилию носила Арлекин.
- Футелли. Как сдунул
Испанца он, по матери пройдясь.
- Фульгосо. Отец ее Грейв Ханс ван Херне, сын
Хоген Могена, кто дат де дроатс снейген
У виртин сот испанцев в нихт одну.
- Гузман. О дьябло!
- Фульгосо. Сто тысяч дьяволов иль дьяблов, дон,
Не пошатнут наш славный род: мой дядя
Якоб ван Флагон-Дрот, с ним Абрахам Снортенферт,
И младший Броген-фох, с полсотней ружей
И капитаном-маслоделом, взяв
Сюрпризом тысячу испанских тюх,
Надрали уши им.
- Гузман. Мой гнев священный
Пусть мщение свершит; тебе конец.
(*Вынимает меч.*)
- Аморетта. Он фынул меч!
- Футелли (*Аморетте*). Не бойтесь!
- Пиеро (*Фульгосо и Гузману*). Эй, полегче, ратоборцы.
- Фульгосо. Рок учит, чтоб я мудрым был в дуэлях
Иль вовсе в них не лез.
- Гузман. Честь — мой учитель,
Испытанный и строгий.
- Футелли. Вот в чем суть:
Честь мой наставник тож. Но принцам ли
На поединках биться? Фу, немодно.
Лишь нищие юнцы звенят клинками.
- Пиеро. Но нет, не прячьте шпаги; будет в радость
Прекрасной Даме видеть, как пошли
Вы с поля прочь, сверкая сталью.
- Футелли. Но,

Раз оба вы сегодня фавориты,
То поровну получите пинков.

Футелли и Пиеро пинают их.

ФУЛЬГОСО. Фью, так-то вот.

ГУЗМАН. Но в честь Прекрасной Дамы
Я вытерплю и это.

ФУЛЬГОСО. Фью.

ПИЕРО. Долой,
И лучше бы ползком.

ФУТЕЛЛИ. Прости за плюху,
Но нужно побыстрее.

ГУЗМАН. Из битвы я
Сбежал последним.

ФУЛЬГОСО. Я был в авангарде.

Уходит.

ФУТЕЛЛИ. Еще? Пошел!

Гузман уходит.

Вот женихи что надо!

Входит Трелкатио.

ТРЕЛКАТИО. Что здесь стряслось?

ФУТЕЛЛИ. Два ястреба, синьор мой,
Зависли над добычею — точнее,
Над вашей дочерью; но подрались
И улетели.

ПИЕРО. Словно воробьи.

АМОРЕТТА. Презренные спесифцы! Парус мой
Пусть луффе папа прафит — я согласна.

ТРЕЛКАТИО. Поёшь ты не фальшивя, Аморетта,
А вы, друзья, смогли, как эскулапы,
Диету прописать ей. Вы достойны
Награды за труды, и я представлю
Вас Ориа достойному, как тех,
Кому обязан. Ну а сейчас
Покинем зал; они идут.

АМОРЕТТА. Молю,
Меня не покидайте.

ФУТЕЛЛИ. Ваши слуги.

Уходят.

Сцена 3

Входят Ориа, Адорни и Аврелио.

[203]

ил 10/2022

Ориа. Добро пожаловать, сердечно. Взять
Прошу вас смелость на себя, и если
Присутствие Аврелио сочтете
Досадным вы, то он уйдет.

Адорни. Ну что вы,
Синьор, пусть друг ваш будет нам свидетель,
Как репутацию поставлю я
На карту примирения.

Ориа. Никто
Из тех, кто здесь присутствует, не станет
Такому возражать.

Адорни. Когда б ваш взор
Был так же безмятежен и спокоен,
Как мир души, не мучимой ничем,
Но слух о поведении моем,
Умноженный бесстыдством сосунков,
Такие тучи вызвал, что недолго
И буре разразиться.

Ориа. Та, что скрыта,
В темнотах вашей речи.

Аврелио. Будьте прощше.

Адорни. Синьор, что я обиду замышлял...

Ориа. Обиду? Но кому?

Адорни. Да вам, возможно,
Коль вы позволите.

Ориа. Постоите же,
Синьор, покуда ваш язык не выдал
Секрета вашего. Итак, позвольте:
В моих полетах страсти и тщеславья,
Когда крыла порока лишь росли
И нездоровый юношеский жар
Мог оправдать разврат и честолюбье,
В те дни — и также до сих пор, когда
Пушок юнца с теченьем бурных лет
Стал опереньем зрелости, — себе
Я даже помыслов не позволял,
Способных чей-то чести встать в ущерб.
Зло в помыслах не лучше зла в деяньях.
Зло остается злом. И потому
Обиду даже в замысле не стану
Терпеть я от обидчика любого,

Чтобы себя не запятнать бесчестьем.
Но я прервал вас.

Адорни. Лучше ты, Аврелио,
Все обвиненья обоснуй пред нами,
Чтоб исповедоваться не пришлось мне;
Но если отметишь предубежденья,
Что скажешь ты тогда? Что против норм
Гостеприимства согрешил Адорни,
Хотя ты умудрился обвинить
Спинеллу заодно? Коль я вину
Признать не соглашусь, все дело рухнет.

Аврелио. Вы нам хотите бросить вызов?

Адорни. Вряд ли;
Я доказательства хочу увидеть,
Что честно собраны, без плутовства.
И пусть мой разум мне тогда поможет
Понять, смогли бы раздраженный нрав
Или предвзятый разум отыскать
Здесь почву для скандала.

Аврелио. Подтверждаю,
Что только правду говорил одну,
И лишь о том, в чем лично был свидетель.

Адорни. Непрочна твердь, чтоб строить укрепленья.
И хватит; я не собираюсь здесь
Ныть, как студент, занятья пропустивший,
Мол, виноват, прошу простить меня,
Не буду больше, — я хочу вернуть
Власть добродетели, той, что державно
Смиряет кровь бунтарскую, теснит
Свободу глупости, своим примером
В жизнь вносит улучшения, и лавр
Сплетает для достоинства и чести.

Аврелио. Достоинство и честь звучней в устах
У тех, кто их не словом чтит, а делом.

Ориа. Мир, мир; дай выслушать.

Адорни. Есть мудрецы,
Кто мнит: не соблазняется лишь та
Красавица, кого не соблазняли.
И так как все привычки совращенья
С одной переносимы на другую,
То, наблюдая быстрые успехи,
Ты учишься, что лестью и дарами,
И услуженьем каждую возьмешь.
Так думал я. Мне опыт был порукой —
Я ожидал, что — Ориа, простите —

Спинелла не откажет; я рыбачил,
Не усомнясь в обыденном улове.

Аврелио. Теперь, во всем сознавшись...

Ориа. Стой, дослушай.

Адорни. Но странно! В женщине я обнаружил

Добро, подумать — в женщине добро!

И, верите, коль я могу иметь

Суждение — о, что за властный свет

Надменности и скромности явил

Прекрасный, чистый, мудрый взор ее,

Меня смутив, — и стоило бы ей

Нахмуриться, и чувственность моя...

Ориа. Не прерывайтесь!

Адорни. Я, склонясь пред ней,

В любви признался, не употребляя

Ни полсловечка, что девиц могло

Взамен симпатии ввести бы в краску;

Она же вдруг: “Эй, Ориа, сюда,

Сражайся за меня!” Тут ворвались вы,

Синьор, ввели всех в ужас, не простясь

Ушли, Спинелла вслед и гости врозь.

Ориа. А после?

Адорни. Сам я стал судом, судившим

Мою ошибку так, что приговор

Был вынесен, велевший мне отречься

Не столь от заблужденья одного,

Но и от всех ошибок, много больших.

А тот, кто усомнится, кто посмеет

Мою решимость страху приписать,

Иль наглости, иль двоедушью — лучше

Пусть скажет, что я лгу, — и разорвем

Мы узел поединком, иль двоих

Сведем с двумя, иль будут три клинка

На три клинка — чтоб оскорбленье смыть,

До белизны мое очистив имя.

Ориа. Кто я, по-вашему? Вообразить

Могли ль такую мягкость вы, Адорни,

Готова бурную защиту?

Адорни. Вас я

Лишил запала, Ориа, признаньем

И покаяньем.

Ориа. Итальянцы редко

В таких вопросах допускают диспут.

Трюк свеж весьма.

Адорни. Я заслужил прощенье,

Поклявшись изменить своим привычкам.
 Ориа. Что смотришь, друг? Тебя, как я сказал,
 Не убедишь. Подумать нужно мне.
 Аврелио. Но он не отрицает, что к дурному
 Ее склонить пытался!

Адорни. Я сознался,
 Но душу этим облегчил теперь
 Смущенную.

Ориа. А, знаю способ я,
 Препятствий нет.

Аврелио. Синьор?

Ориа. Ах, дай подумать,
 Ты можешь продолжать... а если так,
 То будет так, а если нет...

Адорни. Ваш разум
 Силен в механике.

Ориа. Мой план намечен.
 Могу ль вам доверять?

Адорни. Здесь подозренья
 Напрасны.

Ориа. Только от меня прошу вас
 Не отлучаться.

Адорни. Ладно.

Ориа (*в сторону*). “Эй, сюда,
 Мой Ориа, сражайся за меня!”
 Сразимся же, Спинелла, честь зависит
 Твоя от победителя.

Входит Трелкатио.

Трелкатио. Синьор,
 Кастанна и ее сестра, и с ними
 Мальфато у дверей.

Ориа (*Трелкатио*). Их в галерею
 Проводите. (*Остальным.*) Аврелио, мой друг,
 И вы, Адорни, мы втроем составим
 Совет и с пользою потратим время.

Уходят.

Акт пятый

Сцена 1

Входят Мартино, Бенацци и Левидольче.

МАРТИНО. Прочь, прочь, прохвост;
Ты здесь, чтоб нас ограбить.
Эй, офицер, сюда! Мой дом в осаде
Развратной стаи шлюх, убийц, бандитов,
Воров, бродяг; я вырастил приманку,
Что нынче посетителей влечет
Мне горло вскрыть.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Но выслушайте, дядя!

БЕНАЦЦИ. Слушает он или нет, позвольте ему рвать легкие,
если угодно! Поскольку эта женщина живет под этой
крышей, я подтверждаю свое право делить с ней
постель, презрев отрицания; презрев, попомните мои
слова.

МАРТИНО. Ужасно!

Что, парень, здесь держу я дом публичный,
Для сводников приют? Ты, дикобраз,
Ты, дурочка! Иль так ты распустилась,
Чтоб все условности отбросив, стать
Доступной всем — будь герцог он, синьор,
Будь иноземец, йомен, паж, посыльный,
Палач иль висельник? Открой прием
И зазывай прохожих, что уж, славно!

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Но это муж мой!

МАРТИНО. Муж твой!

БЕНАЦЦИ. Натурально, муж; я женился на ней, и каков же
ваш вердикт по поводу этого брака, синьор?

МАРТИНО. Муж, и на ней женился!

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Так и есть.

МАРТИНО. Что за союз! Возрадуйтесь, синьора!

Как укрепилось ваше состоянье!

А что ж в обеспеченье? В год три тыщи

Клятв, молью съеденных? Прекрасный выбор!

Где взять еще тряпья в мужском обличье,

Чтоб дочь племянницы моей уважить?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Во имя матери моей, сдержите

Гнев, умоляю вас; пусть я вступила

В брак самовольно, знайте: выбор мой

Законен, и супругу буду верной

Я крепче верности.

МАРТИНО. Ну что за пара!

БЕНАЦЦИ. Вот такие мы. Что касается меня, то сколько бы
потрепанным ни выглядело мое обличье, я дрался со
смертью, синьор Мартино, чтобы хранить ваш сон и
сон таких, как вы, непотревоженным. Солдат в мирное
время — предмет издевок, просто козел отпущения для

насмешников, бездельников и выскочек, и легкая добыча, на которую охотятся старые ворчуны; но стоит войне прогрохотать над вашим ухом, и положение солдата среди вас становится весьма почетным! Такой день может просиять снова, так же как и мои дела.

МАРТИНО. Солдат! И ты — солдат! Как я сужу,
Ты грязен; это, право, верный знак.
Скорей бандит, кто в ход пускает шлюх,
Болтает на арго, карманы чистит,
Кто под плащом и в шляпе, в темноте
Застрелит путника за двадцать сольдо.
Солдат! Увы, но я еще могу
Синьора отличить от сутенера.

БЕНАЦЦИ. Тот редко нем, кто немощен умом! Левидольче, ты моя, чему мир скоро будет свидетелем, но с тех пор как наши руки соединились, я еще не заявил прав на твою постель, и не стану, пока не разочтусь с твоей комиссией, если это можно так назвать. Поцелуй меня на дорогу, и я откланяюсь. Так что адью, синьор!

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Прошу, останься!

БЕНАЦЦИ. Отклоняю просьбу.

Уходит.

МАРТИНО. А ты-то что? Как звать тебя, не знаю.
Держу я крепко боль — но как сдержать?
Разбито сердце, долго ты была
Потерей — и потеряна теперь
Навеки, без возврата.

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Я могла бы
Печаль утешить вашу.

МАРТИНО. Невозможно;
Попытки славу добрую обрести
Погребены; последние события
Провозгласят бесславье. Ты и вправду
Вступила в брак с бродягой этим?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Да,
И тем в погибшие надежды жизнь
Вдохнула снова; я себя связала
С Бенацци вновь, с моим супругом первым.

МАРТИНО. Бенацци? Он?

ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Помехой маскарад
Пушай не будет больше; это он
Избранник юных дней моих. Я небу
За эту милость благодарна. Муж мой

По зову долга.
КАСТАННА. Боже мой, Спинелла...

Входят ОРИА и АВРЕЛИО.

Идут. Твой муж идет, крепись, сестрица.

ОРИА. Мальфато.

МАЛЬФАТО. Ориа.

ОРИА (*обнимает Мальфато*). Кузен, ах, если б
Сумели руки выразить объятьем,
Как я ценю сердечно ваши, сударь,
Достоинства. Я мог бы побранить
Ту сдержанность, что нашему общению
Была присуща, — этому виной
Отшельничество ваше. Но поверьте,
Расположенье ваше заслужить
Я искренне хотел бы.

МАЛЬФАТО. Очень тронут.

АВРЕЛИО. Синьор Мальфато!

МАЛЬФАТО. Господин Аврелио!

ОРИА. Достойная Кастанна!

КАСТАННА. Вечно ваша!

ОРИА. Но кто это? Лицо, с которым взор
Мой будто был знаком, напоминает
О ком-то облик, не вполне забытый.

Спинелла опускается на колени.

Пред кем она склонилась? Встаньте! Нет.

Спинелла поднимается.

Я позабуду вежливости кодекс,
Подумав, что молились вы фальшиво
Иль тот, кому молились, самозванец.

МАЛЬФАТО. Синьор, бравадой краденой уста
Скверните вы напрасно. Вознеслись вы
Так высоко, что не достать рассудку,
Но власть высокомерно применять
К жене своей, стоящей с вами вровень
В делах, в достоинствах и в родословной,
Пристало ли натурам благородным?
Пусть выскочки жестокостью гордятся;
Но чистый духом скромнен перед скромным.
Свою жену вы знаете ли?

Ориа. Сударь,

Спасибо, что преподали вояке
Урок позиций; дока вы в таких
Делах. Жена, не так ли? Пусть тогда
Предстанет пред судом.

Спирелла. Слова, синьор,

Что оживили душу, для которой
Надежд уж не было; благодарю вас.
Но пусть судья учтет, что у меня,
Пока я не очищусь от навета,
Нет мужа, друга, брата иль сестры,
Ни прав на снисхожденье.

Мальфато. Что тут скажешь?

Ошиблись мы, Кастанна.

Кастанна. О синьор,

Иного ждали мы.

Ориа. Итак, ни мужа,

Ни брата, ни сестры, ни друга?

Спирелла. Также —

Ни имени: я отвергаю льготы,
Что милосердье мне ссудить могло б,
Когда б один иль все злочинцы мира,
Когда б любой из инженеров розни,
Когда бы ум иль глупость, безразлично,
Мне указали бы, без измышлений,
Хотя б на тень вины в моих поступках,
В которых я бы поступилась долгом,
Прямым иль косвенным.

Ориа. Категорично!

С решимостью мужской!

Мальфато. А как еще?

Благая цель, рождая правду, пут
Не ведает.

Спирелла. Продолжу: тот язык,

Чей яд, честь безупречную клеймя,
Распространил болезнь, — мой враг не больше,
Чем каждый ум, что одурманен был,
Когда к нему втиралось вероломство
В друзья, чтоб ложь за истину представить.
К ответу, сударь, сей костер разжегший;
Аврелио, скажите же, не скройте
Детали ни одной, но красноречье
На подсудимую направьте.

Мальфато. Вызов

Его смутил.

Аврелио. Был мой основан вывод
Скорее на сомненьях, чем на знанье.
Порой раскаянью помощник нужен,
А там епитимью назначит совесть.
Так, в уложеньях дружбы и любви
Нам служат подозрения нередко,
Чтоб крепче узы верности связались
Из мелких слабостей, а без уздечки
Конь пропадет.

Спинелла. И так без сожаленья
Сердца разводятся.

Ориа. Вы столь тверды?
Но ближе к делу. Волосы мои
Не как у юношей, желаний полных;
Но снег пока их не сполна покрыл,
Хоть времени посланники — седины —
Средь них нашли приют. Когда же мы
Пред алтарем стояли, я был горд,
Венчаясь с той, чьи красота и юность
Заслуживали пары вровень им.
Ни титул, ни богатство не могли
В другом привлечь ее, как и меня:
Любовь вмешалась; истина любви
Скрепила сделку, думал я; но, верно,
Различье в возрасте порой причиной
Разлада в наслаждениях. На то
Отвечу я, что мы вошли в союз
Без принужденья; и его разъявший
Не может быть прощен. Итак?

Спинелла. Мой дух
В вопросе этом также тверд, как ваш,
Всё так, но и свидетельство измены
Не большая причина для развода,
Чем обвиненье в ней, когда оно —
Лишь клевета. Неужто есть закон,
Чтоб женский пол за то же был наказан,
За что мужской прославлен?

Аврелио. Друг, будь тверже.

Мальфато. Душа, очистившись огнем и светом,
Как ваша, Ориа, из горних сфер
Должна сойти и раны залечить,
Что нанесли карающая зависть,
Досужая молва. Коль ваше ложе
Изменой смела запятнать жена,
Тогда, без обсуждений, гнев обрушьте

Свой на нее; и ей немедля мы
Откажем в праве крови и родства;
А коль она невинна — честь кузины
Вы сами осквернили, и за то
Я вам бросаю вызов.

КАСТАННА. Тирания
Над скромной и послушною душою,
Столь чуткой для обиды...

Входит Адорни.

АДОРНИ. Я успел
И должен быть немедленно допущен
К собранью, будучи причастным к делу.
Допустим, я виновен: но виновен
Лишь в мысли недостойной — ну так кто же
Из вас, за вычетом сестер прекрасных,
В подобном неповинен был ни разу?
Прощенья, непорочная Спинелла,
Я лишь у вас прошу; а кто захочет
Отчета от меня, наедине
Сочтемся с ним.

ОРИА. Все на меня, не так ли?
Есть у меня права?

СПИНЕЛЛА. А у меня?
Но пусть. Синьор, коль в вас сомненья есть,
Бессмысленно любое примиренье.
Тогда свершите мечь — иль мы, простясь,
Друг друга больше не увидим. Руку,
Сестра; я смелость проявить пыталась
Превыше сил моих, но сил нет больше.
Жестокий Ориа. *(Падает в обморок.)*

КАСТАННА. О нет!

ОРИА. Спинелла,
Царица чувств моих, ты победила.
Все добродетели твои нашел я
Такими, как оставил их; меж тем
Кастанне должен я.

КАСТАННА. Кастанне?

ОРИА. Той,
Чьим был опекуном, и не навязан,
А выбран ею. Знай же: на примете
Есть для тебя супруг, весьма достойный.
Позвольте мне. Адорни, посмотрите:
Жена-сокровище.

МАЛЬФАТО. К счастью, вы нашли
Свой путь. Удачи новообращенной.
АДОРНИ. Так я свободен.
МАЛЬФАТО. Ваш слуга покорный.
МАРТИНО. Все, что мое — то их теперь.
АДОРНИ. А сверх —
Вот приношение к алтарю любви. *(Дает три кошелька.)*
ОРИА. Что думает Спинелла? Праздник наш
Мы в календарь внесем.
СПИНЕЛЛА. Пусть синьора
Жизнь проживет достойно и прекрасно.
Я знаю, так и будет.
КАСТАННА. Предлагаю
Вам дружбу.
ЛЕВИДОЛЬЧЕ. Как добры и как щедры вы!

Входят ТРЕЛКАТИО, ФУТЕЛЛИ, АМОРЕТТА и ПИЕРО,
вытаскивающий ФУЛЬГОСО и ГУЗМАНА.

ТРЕЛКАТИО. Что ж, господа и дамы, я ваш праздник
Хочу своим дополнить. Представляю
Вам будущего зятя: дочь избрала
Его сама.
АМОРЕТТА. Хоть он не принф.
ТРЕЛКАТИО. Футелли
Спас дочь от тех двоих.
ПИЕРО. Виват влюбленным!
ТРЕЛКАТИО. Вот парочка! За все его труды,
С ним — иль ни с кем — пойдет. Хоть он, конечно,
Не Крёз, но остроумец. Я скажу:
Аминь, раз так сошлось.
АМОРЕТТА. Не ф деньгах счастье!
ОРИА. Есть средство, чтобы им дела поправить:
Я их возьму на Корсику. Кузина
Нуждаться не должна, раз верим мы,
Что и жених доверье заслужил.
ФУТЕЛЛИ. Никто не ровня вам.
АМОРЕТТА. Фот ум мудрейфый.
ПИЕРО. Ну а Пиеро?
ОРИА. Не дадим пропасть.
А что же эта парочка?
ФУЛЬГОСО. Отправлюсь
За дамами — свистеть, кутить, продуться —
Мой стерпит кошелек. Пустая жизнь
Подла и буйственна. Покуда вы

